
ТИАНА ЭШ
ВОЗВРАЩЁННЫЕ
НАСЛЕДИЕ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Тиана Эш

Возвращённые. Наследие

«Автор»
2026

Эш Т.

Возвращённые. Наследие / Т. Эш — «Автор», 2026

Триста лет назад Священная Охота закончилась. Ведьмам сохранили жизнь, но свободу пришлось отдать взамен.Теперь их магия подчиняется строгим законам Кодекса, а за соблюдением порядка следят Возвращённые — могущественные маги, чья власть внушает одновременно уважение и страх.Катарина Эверлейн никогда не стремилась бросать вызов Ордену. Ей вполне хватало собственных забот, заказов Гильдии и надежды однажды зажить спокойной жизнью.Но порой достаточно одного неверного шага, чтобы оказаться по другую сторону закона.И ещё сложнее становится, когда человек, которого следовало бы бояться, оказывается тем, кому отчаянно хочется доверять.

© Эш Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Голоса мёртвых 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Тиана Эш
Возвращённые. Наследие

Глава 1. Голоса мёртвых

«Человек способен привыкнуть почти ко всему: к темноте, одиночеству, даже к смерти близких. Но едва ли найдётся тот, кто сумеет спокойно отнестись к стуку в дверь, за которой никого не должно быть».

— Аделия Вирен, «Записки практикующей ведьмы»

Я начинала подозревать, что пятьдесят серебряных крон не стоят того, чтобы умереть от воспаления лёгких. Особенно если учесть, что до поместья Блэквуд оставалось, судя по карте, меньше часа пути, а я уже почти перестала чувствовать пальцы на ногах.

Дождь лил с самого рассвета. Мелкий, холодный и на редкость настойчивый. Такой, который поначалу кажется безобидным, пока не обнаруживаешь, что промокли даже вещи на дне дорожной сумки.

Натянув капюшон пониже, я в очередной раз посмотрела на дорогу, уходившую между деревьями.

— Если мы снова свернём не туда, я съем тебя, клянусь, — предупредила я Плюшку.

Кобыла дёрнула ухом.

— Не всю, конечно. Я не настолько голодная.

В ответ она фыркнула и уверенно шагнула в очередную лужу, подняв целый фонтан грязной воды.

— Спасибо. Очень любезно с твоей стороны.

Оглядев заляпанный сапог, я тяжело вздохнула.

Когда два дня назад мне предложили это задание, всё выглядело куда привлекательнее.

Богатое семейство в старинном поместье подозревало присутствие бесплотной сущности. Вознаграждение — пятьдесят серебряных крон, половина из которых полагалась мне даже в случае, если присутствие духа не подтвердится. Последнее обстоятельство особенно меня обрадовало.

Обычно люди были готовы платить ведьме любые деньги, пока боялись, что их дом населён призраками. Но стоило выясниться, что причина ночных происшествий вполне земная, как благодарность хозяев заметно уменьшалась.

Потерев замёрзший нос, я попыталась вспомнить, что именно говорилось в письме Гильдии.

«Семья Харроу сообщает о повторяющихся проявлениях необъяснимого характера, включая перемещение предметов, шаги в пустых помещениях и голос покойной хозяйки дома».

Голос покойной хозяйки — эта часть мне не нравилась. Мёртвые редко доставляли живым столько неприятностей, сколько им приписывали. По крайней мере, те немногие, с которыми мне доводилось сталкиваться. Но голос — вещь ненадёжная.

Он мог принадлежать остаточному отголоску, настоящему призраку, существу, которое никогда не было человеком, или вполне живому негодяю, решившему напугать богатых родственников. А вот уж последний вариант встречался удивительно часто. Особенно когда речь заходила о наследстве.

За размышлениями об очередном обделённом завещанием племяннике я едва не пропустила момент, когда деревья впереди расступились и на холме показалось поместье. При виде дома невольно выпрямилась в седле.

— Ого.

Блэквуд оказался значительно больше, чем я представляла.

Серое каменное здание возвышалось над заросшим садом, окружённым высокой оградой. Три этажа, узкие окна, тяжёлая черепичная крыша и две угловые башни, одна из которых заметно накренилась. По стенам тянулись почти чёрные от дождя плети плюща.

Даже издалека было видно, что дом старый. Не просто построенный несколько поколений назад, а действительно древний, из тех, что успевают пережить десятки хозяев и накопить достаточно семейных тайн, чтобы обеспечить работой целый ковен.

У ворот обнаружился небольшой караульный домик. Из него вышел пожилой мужчина в потёртом плаще, окинул меня взглядом и нахмурился.

— Вам кого?

— Лорда Харроу. Катарина Эверлейн, из Гильдии ведьм.

Он посмотрел на мой лук, закреплённый возле седла, затем на дорожную сумку и наконец остановил взгляд на моём лице.

Дальнейший вопрос угадать было нетрудно.

— Вы ведьма?

Ну разумеется.

— По крайней мере, так написано в моих документах. — Я постаралась скрыть раздражение. Ссориться с привратником ещё до того, как меня впустят в дом, было бы не самым удачным началом.

— Хозяин ожидал женщину… — Мужчина слегка замялся, подбирая слова. — Постарше.

Пришлось подавить желание закатить глаза.

Мне было двадцать три года. Для некоторых этого вполне достаточно, чтобы жениться, обзавестись тремя детьми и начать жаловаться на больную спину. Но почему-то для ведьмы возраст считался неприлично юным.

Видимо, людям хотелось, чтобы мы появлялись на свет сразу с морщинами, бородавками и глубоким знанием всех существующих проклятий.

— Если хозяин согласен подождать лет сорок, я с удовольствием приеду снова, — предложила я.

Привратник моргнул.

— Простите?

— Ничего. Откройте, пожалуйста. — На последнем слове я сделала особый акцент, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее. — Я ужасно замёрзла.

Он ещё несколько мгновений разглядывал меня, затем нехотя отступил к воротам.

Пока тяжёлые створки разъезжались, я заметила, что мужчина несколько раз оглянулся на дом. Причём не на главный вход, а на окна второго этажа.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Нет, госпожа, — ответил он, слишком поспешно отводя глаза.

Проследив за его взглядом, я попыталась что-нибудь разглядеть за мутными стёклами. Безуспешно.

— Вы тоже слышали голос, как остальные члены семьи?

Старик замер, положив руку на створку ворот.

— Я слышал достаточно, чтобы по ночам не выходить из своей комнаты.

— И что же именно?

Он покачал головой.

— Лучше спросите хозяина.

И отвернулся.

Прекрасно.

Обожаю, когда люди нанимают меня разобраться в загадочных происшествиях, а потом отказываются рассказывать о них.В доме оказалось тепло. Настолько, что я едва удержалась от желания прижаться к ближайшей стене и провести так остаток дня.

Слуга, встретивший меня в холле, принял мокрый плащ и предложил оставить дорожную сумку. Я отказалась: внутри находились вещи, которые не стоило доверять незнакомцам, даже если те носили идеально выглаженные жилеты и выглядели так, словно никогда в жизни не повышали голоса.

Особенно если носили идеально выглаженные жилеты.

Из моего опыта следовало, что самые неприятные люди нередко обладали безупречными манерами.

— Хозяин ожидает вас в гостиной, госпожа Эверлейн.

— Можно просто Кэт.

Слуга едва заметно склонил голову.

Мы прошли через просторный холл с мраморным полом, массивной лестницей и портретами, занимавшими почти всю свободную поверхность стен.

Пока мой провожатый двигался впереди, я рассматривала изображения.

Мужчины с одинаково суровыми лицами. Женщины в тяжёлых платьях, украшенных драгоценностями. Несколько детей, выглядевших так, словно их заставили неподвижно сидеть перед художником целую вечность.

Интересно, это семейная особенность — никогда не улыбаться? Или художнику просто плохо платили?

У лестницы висел особенно большой портрет женщины в тёмно-синем платье. Светлые волосы были собраны на затылке, тонкие пальцы лежали на подлокотниках кресла. В её лице не было ничего необычного, кроме взгляда: внимательного, немного усталого, словно она терпеливо ожидала, когда собеседник наконец перестанет говорить глупости.

По какой-то причине мне понравилась эта женщина.

— Леди Элеонора Харроу, — негромко произнёс слуга, заметив, что я остановилась перед портретом.

В его голосе послышалось что-то похожее на нежность, и я невольно взглянула на него.

— Покойная хозяйка? — уточнила я.

— Да, госпожа. — Он опустил глаза, почтительно сложив руки перед собой.

— Давно умерла?

— Шесть лет назад, — ответ произошёл на выдохе. На мгновение его лицо омрачилось, и я поняла, что эта потеря до сих пор была для него болезненной. — Леди Элеонора была доброй женщиной.

Я снова посмотрела на портрет.

Шесть лет — немалый срок для того, чтобы вдруг начать бродить по собственному дому и пугать родственников. Хотя кто знает, какие у покойников бывают причины.

— Она болела?

Слуга слегка замялся, словно решая, вправе ли рассказывать посторонней о последних днях хозяйки.

— Последние месяцы жизни леди Элеонора почти не покидала своих покоев.

— Понятно.

Ничего мне, разумеется, понятно не было.

Но дальнейшие вопросы я решила оставить до встречи с хозяином. К тому же из соседнего коридора донёсся запах печёных яблок, корицы и свежего теста, и мой желудок немедленно о себе напомнил.

С раннего утра во рту не было ничего, кроме двух сухарей, которые ещё вчера следовало признать непригодными для употребления. Интересно, насколько неприлично попросить пирожное прежде, чем приступить к изгнанию нечисти?

Саша наверняка сказала бы, что приличные дамы так не поступают. Хотя сама съела бы два, я уверена.

При мысли о сестре я невольно улыбнулась. Перед отъездом она настойчиво предлагала сопровождать меня, но у неё имелось собственное задание, связанное с охраной какого-то торговца. И если верить последнему письму, торговец оказался человеком редкой глупости, которого приходилось защищать преимущественно от последствий его собственных решений. И Саша справлялась.

Она вообще редко жаловалась на сложности, если могла решить их при помощи хорошо заточенного клинка.

— Прошу, госпожа.

Слуга распахнул передо мной двери гостиной. Выпрямив спину и поправив выбившуюся из косы серебристую прядь, я вошла. Первым меня встретил взгляд мужчины, сидевшего у камина.

Он поднялся почти сразу. Высокий, худощавый, с тёмными волосами, в которых уже заметно проступала седина, и лицом человека, давно забывшего, как следует отдыхать.

— Госпожа Эверлейн?

— Катарина. Можно Кэт.

— Адриан Харроу. Благодарю, что согласились приехать.

Он пожал мне руку. Ладонь была холодной и немного влажной.

Нервничает.

Рядом с камином стояла женщина примерно его возраста, одетая в строгое серое платье. Она внимательно осмотрела меня с головы до ног, задержавшись на сапогах, которые я так и не успела как следует очистить от грязи. Оценка, судя по выражению лица, оказалась не в мою пользу.

— Моя сестра Мирена, — представил её хозяин. — И мои дети, Каэлис и Луиза.

Молодой человек, устроившийся у окна с книгой, вежливо кивнул. Ему было около двадцати, возможно, чуть больше. Светлые волосы падали на лоб, а на пальцах виднелись чернильные пятна. Он казался единственным человеком в комнате, которого моё появление не особенно волновало.

Девочка у камина даже не подняла головы. Я задержала на ней взгляд.

Лет тринадцать, не больше. Светлые волосы заплетены в две косы, руки крепко сцеплены на коленях. Она сидела слишком прямо, словно боялась пошевелиться, а под глазами залегли тёмные круги. Такие бывают у людей, которые давно не высыпались.

— Присаживайтесь, — предложил лорд Харроу.

Опустившись в кресло, я с трудом удержалась от довольного вздоха. От камина шло чудесное тепло, и мои замёрзшие ноги постепенно возвращались к жизни. На низком столике стоял серебряный поднос с чайником и тарелкой небольших пирожных. Видимо, я смотрела на них слишком пристально, потому что хозяин, проследив за моим взглядом, предложил:

— Чаю?

— С удовольствием.

Он кивнул служанке, ожидавшей у двери.

Мне уже не терпелось приступить к расспросам, когда лорд Харроу добавил:

— Признаться, я ожидал, что Гильдия пришлёт более опытную ведьму.

Улыбка получилась настолько вежливой, насколько позволяли обстоятельства.

— А я ожидала, что дорога к вашему поместью будет немного лучше. Похоже, сегодня мы оба столкнулись с разочарованием.

Каэлис негромко кашлянул, прикрыв рот ладонью. Мирена поджала губы. Лорд Харроу посмотрел на меня с удивлением, но затем всё-таки улыбнулся.

— Прошу прощения. Последние недели выдались непростыми.

— Поэтому я здесь. Расскажите мне всё с самого начала.

Он опустился в кресло напротив.

— Первые странности начались примерно три недели назад. Ночью мы услышали шаги на втором этаже. Слуги проверили коридор, но никого не нашли.

— Шаги были тяжёлыми? Быстрыми? Кто-нибудь мог определить, откуда они доносились?

— Медленными, — ответила Мирена. Она чуть нахмурилась, словно вновь прислушиваясь к тем звукам. — Как будто кто-то ходил от комнаты к комнате.

— И больше ничего?

— Двери, — вмешался Каэлис, отложив книгу. — Они начали открываться сами собой. Особенно дверь материнской спальни.

Повернувшись к нему, я уточнила:

— Вы видели это лично?

— Дважды.

— А окна в это время были закрыты?

Он усмехнулся.

— Я тоже сначала подумал о сквозняке.

Наконец-то человек, способный рассуждать.

— Продолжайте, — поторопила я его, ободряюще кивнув.

— Я запер все окна на этаже. На следующую ночь дверь снова открылась.

Пока ничего особенно необычного. Старые дома часто преподносят сюрпризы, а испуганные люди способны придать совершенно обычным событиям пугающий смысл.

— Потом мы услышали голос Элеоноры, — тихо сказал лорд Харроу.

Мой взгляд остановился на нём.

Он смотрел в огонь, сжимая подлокотник кресла так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Кто услышал первым?

Мужчина помолчал, прежде чем повернуться к дочери.

— Луиза.

Девочка вздрогнула при звуке собственного имени, словно её внезапно вырвали из неприятных мыслей.

К девочке пришлось обратиться как можно мягче.

— Луиза, ты можешь рассказать мне, что произошло?

Она посмотрела на отца. В её взгляде было столько неуверенности, что я невольно пожалела о заданном вопросе. Тот ободряюще кивнул.

— Я спала, — начала девочка едва слышно. — Потом проснулась. Мне показалось, что кто-то стоит возле двери.

— Ты слышала шаги?

— Нет. Только голос, — ответила она, сильнее сжимая пальцы.

— Что он говорил?

Луиза провела пальцем по краю рукава. Она долго молчала, и я уже решила, что придётся отложить разговор, когда девочка наконец подняла голову.

— Сначала просто звал меня.

— По имени?

Она кивнула.

— А потом сказал, что очень скучает.

Мне стало не по себе. Сами слова были вполне обычными. Именно такие могла бы произнести мать, которая давно не видела своего ребёнка. Но Луиза говорила о них так, словно до сих пор слышала этот голос.

— Ты узнала его сразу?

— Конечно. — Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на обиду. — Это была моя мама.

Спорить мне не хотелось.

— А что случилось потом?

— Она попросила открыть дверь.

Мирена резко отвернулась к окну, прижав пальцы к губам. Лорд Харроу закрыл глаза, а Каэлис перестал перелистывать страницы книги.

Я почувствовала, как внутри медленно собирается неприятное напряжение.

— И что ты сделала? — осторожно спросила я, наблюдая за лицом девочки.

— Осталась в кровати, — ответила Луиза. Её голос дрогнул, и она поспешно опустила голову.

— Почему ты решила не открывать?

Она долго смотрела на собственные руки, прежде чем прошептать:

— Потому что мама никогда не называла меня Луизой.

На мгновение у меня перехватило дыхание.

— А как она тебя называла?

— Лу. Всегда. Даже когда сердилась.

Взгляд невольно метнулся к её отцу. Тот медленно кивнул, подтверждая слова дочери, и провёл ладонью по лицу. Вот теперь происходящее становилось интереснее. И значительно неприятнее.

Сущность, способная подражать голосу умершего, вовсе не обязательно знала его привычки. Но если она обращалась к ребёнку, рассчитывая, что тот откроет дверь...

Продолжать эту мысль не хотелось. Сначала доказательства — потом выводы.

— Ты правильно поступила, что не открыла, — сказала я.

— А если мама обиделась? — Луиза подняла на меня испуганные глаза. Казалось, именно этот вопрос мучил её всё время, пока мы разговаривали. От её слов болезненно сжалось сердце: девочка боялась не призрака, а того, что подвела усопшую мать.

Боги.

— Лу, — осторожно произнесла я, — если бы твоя мама действительно могла вернуться, как ты думаешь, она захотела бы тебя напугать?

Девочка покачала головой. Её нижняя губа задрожала, и она быстро прикусила её, пытаясь сдержать слёзы.

— Тогда давай пока не будем считать, что это была она. Хорошо?

Луиза немного подумала и кивнула. Я заметила, как ослабла хватка её пальцев на рукаве. Ненамного, но всё же.

Служанка поставила передо мной чашку чая. Поблагодарив её, я потянулась за пирожным. Под хрустящей корочкой скрывалась нежная яблочная начинка с лёгким ароматом корицы.

Это великолепно.

Если бы меня попросили назвать три причины, по которым стоило продолжать заниматься ведьмовством, бесплатные угощения в богатых домах определённо вошли бы в список.

— Вы сможете избавить нас от этого? — спросила Мирена.

Проглотив кусочек, я поставила чашку.

— Сначала мне нужно понять, с чем именно мы имеем дело.

— Но вы ведь ведьма.

Я посмотрела на неё.

— Совершенно верно.

— Разве вас не обучают таким вещам?

Обучают. Ещё как обучают. Особенно тому, почему не следует обещать невозможное.

— Госпожа Харроу, если у человека болит живот, лекарь сначала выясняет причину, а уже потом назначает лечение. С бесплотными сущностями примерно так же. Только последствия ошибки обычно неприятнее.

Она открыла рот, явно собираясь возразить, но лорд Харроу поднял руку.

— Мирена, пожалуйста.

Я допила чай.

— Мне понадобится осмотреть комнаты, в которых происходили странности. И желательно поговорить со слугами. Отдельно.

— Зачем отдельно? — спросила она.

— Чтобы никто не подсказывал им ответы.

Каэлис снова спрятал улыбку. Кажется, мы с ним начинали находить общий язык.

К вечеру я успела возненавидеть лестницы поместья Блэквуд. Их было слишком много.

Главная, широкая и красивая, вела на второй этаж. Две узкие лестницы предназначались для слуг. Ещё одна соединяла западное крыло с чердаком, а в восточном обнаружился винтовой подъём, заканчивавшийся у запертой двери. Кто вообще строит дома подобным образом?

Неужели богатые люди настолько боятся случайно встретиться с собственными слугами, что готовы ради этого ежедневно преодолевать десятки лишних ступеней?

Остановившись на площадке и переводя дыхание, я достала из сумки небольшой медный диск. На его поверхности были выгравированы три пересекающихся круга. Обычный сторожевой оберег — один из первых, которые я научилась создавать самостоятельно.

Сложные заклинания до сих пор давались мне с трудом. Раньше я могла часами пытаться удержать магическую нить, чтобы в итоге получить жалкую искру, от которой не загорелась бы даже сухая солома. Сейчас дела получше. Относительно. А вот с предметами всё обстояло иначе.

Мне нравилось ощущать, как магия постепенно наполняет металл или дерево, как невидимая сила укладывается в заранее подготовленный узор и остаётся там, ожидая своего часа. В этом было что-то надёжное.

Саша однажды сказала, что я просто предпочитаю вещи, которые не могут спорить со мной. Неправда. Я прекрасно ладила и с людьми, пока они не начинали говорить глупости.

Приложив диск к дверному косяку, я провела большим пальцем по центральной линии узора. Тихо произнесла несколько слов, сосредоточившись на ощущении тепла, которое медленно собиралось под кожей.

Металл отозвался почти сразу, и по выгравированным линиям пробежало слабое серебристое свечение, затем погасло.

С облегчением выдохнув, я убрала руку. Теперь оставалось проверить комнату Луизы. Дверь оказалась приоткрыта. Прежде чем войти, я осторожно постучала.

Девочка сидела на кровати, обняв подушку.

— Можно?

Она кивнула, чуть подвинувшись, словно собиралась уступить мне место.

Комната выглядела уютной. Светлые занавески, небольшой письменный стол, книжные полки, несколько мягких игрушек, которые хозяйка, вероятно, уже считала слишком детскими, но всё ещё не решалась убрать. На подоконнике стояла деревянная шкатулка с резными цветами.

Подойдя к окну, я протянула руку к шкатулке, собираясь проверить, нет ли на ней следов постороннего воздействия. Однако стоило пальцам приблизиться к дереву, как по коже пробежало лёгкое покалывание.

Осторожно проведя ладонью над подоконником ещё раз, я почувствовала то же самое, только чуть отчётливее. Словно в воздухе сохранился едва уловимый след чужой магии. Настолько слабый, что определить его природу с первого раза не удалось, но сомнений в том, что здесь что-то было, уже не оставалось.

Обычно следы заклинаний сохраняли определённую структуру, которую можно было распознать при достаточном опыте. Моего, к сожалению, пока не хватало.

Нахмурившись, я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на едва ощутимой магической нити. Почти удалось ухватить её, удержать хотя бы на несколько мгновений, но след ускользнул прежде, чем получилось разобраться в его природе.

Проклятье.

Повторная попытка ничего не дала. Раздражение быстро сменилось тревогой: чужая магия была совсем рядом, а я даже не могла понять, с чем столкнулась.

— Что-то нашли? — спросила Луиза.

Открыв глаза, я посмотрела на девочку.

— Возможно, — ответила я, ещё раз взглянув на подоконник.

— Это мама?

В её голосе прозвучала такая надежда, что мне стало неловко за собственную неопределённость.

— Пока не знаю.

Девочка опустила взгляд, а я достала ещё один медный диск и положила его возле шкатулки.

— Эта штука будет следить за твоей комнатой.

Девочка заинтересованно наклонилась вперёд.

— Она волшебная?

— Конечно.

— А что она делает?

— Если сюда попытается проникнуть что-нибудь потустороннее, оберег подаст сигнал.

— Какой?

— Зазвенит, — ответила я, стараясь улыбнуться.

Девочка недоверчиво посмотрела на совершенно гладкий диск.

— Но у него нет колокольчика.

— В этом и заключается волшебство.

Она улыбнулась в ответ. Совсем немного, но я заметила, и аккуратно присела на край кровати.

— Лу, можно задать тебе ещё один вопрос?

— Да.

— Ты уверена, что голос доносился из коридора?

Она нахмурилась.

— А откуда ещё?

— Иногда звук кажется ближе или дальше, чем на самом деле. Особенно ночью.

Луиза задумалась, перебирая пальцами край подушки.

— Сначала из коридора, — медленно произнесла она.

Что-то в её ответе заставило насторожиться.

— А потом?

Девочка подняла голову и посмотрела на окно. Я заметила, как изменилось её лицо: словно она вдруг вспомнила нечто, о чём очень старалась не думать.

— Потом мне показалось, что мама стоит там.

К окну я повернулась медленно, хотя хотелось немедленно вскочить и проверить, что там.

За стеклом виднелся мокрый сад. Ветер шевелил голые ветви деревьев, а по карнизу стекали тонкие струйки воды. Комната находилась на втором этаже. До земли было не меньше шести метров.

— Ты её увидела?

— Нет. Только слышала.

— Что именно?

Луиза крепче прижала к себе подушку. Несколько секунд она молчала, глядя на окно, и лишь потом ответила:

— Она сказала, что скоро мы снова будем вместе.

Холод, пробежавший у меня по спине, не имел никакого отношения к дождю.

Пришлось приложить усилие, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

— Спасибо, что рассказала.

— Вы думаете, это плохо?

Она ждала ответа с такой надеждой, что мне захотелось пообещать ей всё на свете. Что ничего страшного не произойдёт. Что завтра она проснётся, и дом снова станет обычным домом, а голос матери останется только в воспоминаниях.

Но обещания, которых не можешь выполнить, — отвратительная привычка. И особенно для ведьмы.

— Думаю, нам стоит быть осторожнее, — ответила я. — И я сделаю всё, что смогу, чтобы разобраться.

Луиза кивнула.

Поднявшись, я поправила оберег и направилась к двери.

— Кэт?

Обернувшись, я встретилась с её взглядом.

— Да?

— А вы когда-нибудь слышали голос человека, который умер?

Вопрос застал меня врасплох. В памяти всплыла пожилая женщина, с которой довелось столкнуться во время первого самостоятельного задания. Её призрак почти не разговаривал. Большую часть времени она сидела возле пустой детской колыбели и тихо напевала какую-то песню.

Эта мелодия ещё долго не выходила у меня из головы.

— Да, — сказала я. — Слышала.

— И что вы сделали?

— Выслушала.

Луиза смотрела на меня очень серьёзно.

— А потом?

Ответ нашёлся не сразу.

— Помогла ей уйти.

К ночи дождь прекратился. Над лесом поднялась полная луна, и мокрые дорожки сада заблестели в её свете.

У окна гостиной слуги грузили последние сундуки в экипаж. За их работой я наблюдала уже несколько минут, с нетерпением ожидая, когда поместье наконец опустеет.

Лорд Харроу согласился покинуть дом только после долгого разговора. Мирена возмущалась ещё дольше, заявляя, что не собирается бежать из собственного поместья из-за каких-то суеверий. Каэлис предложил остаться и помочь, но от его предложения пришлось отказаться.

В случае неприятностей мне совершенно не хотелось одновременно разбираться с неизвестной сущностью и спасать любопытного молодого аристократа. Одной проблемы вполне достаточно.

Перед отъездом Лу неожиданно крепко обняла меня. От неожиданности я растерялась и неловко погладила её по спине.

— Вы ведь будете здесь, когда мы вернёмся? — спросила девочка, не отпуская меня.

— Если всё пройдёт хорошо, встречу вас утром.

— А если нет?

Хотелось пошутить, сказать что-нибудь о том, что призраки обычно оказываются менее опасными, чем разгневанные хозяйки домов. Но девочка смотрела на меня слишком серьёзно.

— Тогда обязательно пришлю вам весточку, — пообещала я.

Кажется, такой ответ её удовлетворил.

А вот мне самой стало отвратительно. Ведь понятия не имела, с чем придётся столкнуться этой ночью.

Когда экипажи наконец скрылись за воротами, дом погрузился в тишину. Главную дверь пришлось запереть, защитные знаки проверить ещё раз, и только после этого можно было подняться на второй этаж.

В коридоре пахло воском и старым деревом. Лунный свет ложился на пол длинными бледными полосами, а портреты на стенах казались ещё более мрачными, чем днём.

Кресло напротив комнаты Луизы показалось вполне подходящим местом для ночного дежурства. Рядом разместилась сумка, а кинжал, который обычно висел на поясе, отправился на подлокотник.

Против бесплотной сущности обычное лезвие вряд ли принесло бы много пользы, зато вполне могло пригодиться, если источником ночных звуков окажется живой человек. Мне уже доводилось сталкиваться с мошенниками, изображавшими призраков, и некоторые из них весьма болезненно реагировали на разоблачение.

На всякий случай стоило проверить, насколько легко клинок выходит из ножен. Убедившись, что оружие не заедает, я устроилась поудобнее и достала из сумки свёрток с засахаренными грушами. Последние три штуки.

Разложив их на коленях с подобающей случаю торжественностью, решила съедать по одной за каждый час ожидания. Если сущность не появится до третьей груши, сочту это личным оскорблением.

Первый час прошёл спокойно.

Приходилось прислушиваться к каждому шороху, следить за сигнальными нитями и время от времени обходить коридор. Ничего.

На втором часу где-то внизу скрипнула дверь.

Кинжал мгновенно оказался в руке. Осторожно поднявшись с кресла, я направилась к лестнице, стараясь ступать как можно тише. В холле пришлось остановиться и прислушаться. Скрип повторился, на этот раз со стороны западного коридора.

Пальцы крепче сжали рукоять.

За углом никого не оказалось. Одна из ставен была плохо закреплена, и ветер время от времени ударял её о стену. Пришлось закрыть окно, проверить соседние комнаты и вернуться наверх.

К половине третьего от груш не осталось ничего.

Сущность так и не появилась.

— Невежливо, — сообщила я пустому коридору.

Собственный голос прозвучал непривычно громко, а ответом стала тишина.

В какой-то момент в дальнем конце коридора будто что-то шевельнулось. Голова резко повернулась на движение, но это оказалась всего лишь тень от ветки, скользнувшая по стене.

Я подошла к ближайшему окну и приоткрыла. Раздражённо потерев лицо, пришлось признать очевидное: усталость начинала сказываться. После двух дней дороги и почти бессонной предыдущей ночи мне было трудно сохранять внимание.

Прохладный воздух с улицы немного помог прийти в себя. Сад внизу выглядел совершенно неподвижным. Между деревьями стелился туман, а над дальней частью ограды поднимались верхушки чёрных елей. Это было невероятно красиво, если забыть о том, что находишься в доме, где мёртвая женщина якобы просит дочь открыть ей дверь.

Закрыв окно, я уже собиралась вернуться в кресло, когда по коже пробежало знакомое покалывание. На этот раз оно возникло не в пальцах, а словно где-то глубже, под кожей. На краткий миг рядом с моей собственной магией будто появилась чужая, едва заметная сила.

Пришлось замереть, пытаясь уловить её снова, но ощущение исчезло так же внезапно, как возникло.

— Ну давай, — прошептала я, всматриваясь в полутёмный коридор. — Покажись.

В ответ раздался лишь тихий треск дерева в стенах.

Несколько минут прошли в неподвижном ожидании. Затем пришла мысль ещё раз проверить обереги. Все оставались целыми, ни один не подал сигнала. Попытка вновь почувствовать чужую магию закончилась лишь тупой болью за глазами.

Вернувшись в кресло, пришлось заставить себя успокоиться. Не каждое необычное ощущение означает присутствие потусторонней сущности. Иногда усталость, холод и чрезмерное напряжение способны сыграть с ведьмой дурную шутку.

Особенно с ведьмой, которая пока не слишком хорошо умеет управлять собственными силами. Эту неприятную истину мне довелось усвоить на личном опыте.

До рассвета больше ничего не произошло.

Первые солнечные лучи проникли в окна, когда усталость окончательно превратилась в мучение. Казалось, всю ночь меня били мешком с камнями.

Ноги затекли, спина ныла, а в голове назойливо пульсировала боль. Зато дом оставался совершенно спокойным.

Повторный осмотр второго этажа ничего не дал. Комната Луизы выглядела так же, как накануне, а все установленные обереги оставались нетронутыми. Чужая энергия на подоконнике тоже исчезла. Возле окна пришлось задержаться, пытаясь решить, что делать дальше.

Можно было остаться ещё на ночь. Попросить Гильдию прислать кого-нибудь опытнее. Попытаться самостоятельно провести более сложный поиск.

Но для последнего мне недоставало навыков, а никаких убедительных признаков опасности обнаружить так и не удалось. Возможно, сущность просто не проявляла себя в присутствии ведьмы. Возможно, происходящее вообще не имело отношения к магии.

Ненавижу слово «возможно».

Оно слишком часто встречалось в моих отчётах.

В конце концов решение было принято: оставить обереги на месте и попросить хозяев сообщать о любых новых происшествиях. Если голос появится снова, Гильдия сможет направить сюда более опытного специалиста.

Решение показалось мне разумным. По крайней мере, очень хотелось в это верить. И всё же мысль о Луизе, которая снова услышит ночью знакомый голос, никак не отпускала.

Перед уходом взгляд задержался на портрете Элеоноры. При дневном свете её лицо выглядело мягче. Уголки губ были чуть приподняты, а в глазах читалось спокойное любопытство.

— Если это действительно вы, — тихо сказала я, — то вы выбрали довольно странный способ пообщаться с дочерью.

Женщина, разумеется, не ответила.

Оставалось лишь поправить ремень сумки и направиться к лестнице. В холле уже ожидал Орвин.

— Хозяин прислал за вами экипаж? — спросил он.

— Нет, я приехала верхом.

— Значит, ничего не нашли?

— Пока нет, — ответила я, покачав головой. — Но защиту оставила. Проследите, чтобы никто не снимал медные диски с дверей и окон.

Старик кивнул, нервно перебирая пальцами край рукава.

Его беспокойство не укрылось от моего внимания.

— Что-то ещё?

Орвин поколебался.

— Госпожа ведьма… Вы уверены, что здесь никого нет?

Вопрос заставил насторожиться.

— Почему вы спрашиваете?

Старик облизнул пересохшие губы и оглянулся на лестницу, словно опасался, что нас могут услышать.

— Потому что вчера вечером, когда хозяин уезжал, я видел свет в комнате покойной госпожи.

— Вы уверены?

— Да.

— Кто-нибудь мог туда заходить?

— Комната заперта уже шесть лет. С тех самых пор, как леди Элеонора умерла.

В памяти всплыл рассказ Каэлиса. Дверь материнской спальни, которая открывалась сама собой.

— Вы говорили об этом хозяину?

— Нет.

— Почему?

Старик опустил глаза.

— Он не любит, когда слуги вспоминают госпожу.

Несколько мгновений ушло на размышления. Затем пришлось попросить Орвина показать комнату.

Спальня Элеоноры находилась в восточном крыле, за узким коридором, которым прежде довелось пройти лишь однажды. Мужчина достал связку ключей, замок поддался не сразу.

Когда дверь наконец открылась, нас встретил тяжёлый запах пыли, старых тканей и давно закрытого помещения. Первым делом взгляд скользнул по просторной комнате. Почти вся мебель скрывалась под белыми покрывалами. Возле окна стоял туалетный столик с потускневшим зеркалом, а у противоположной стены — большая кровать с резным изголовьем.

Створки окна были закрыты, а на подоконнике лежал толстый слой пыли без каких-либо следов.

Осмотр камина, дверного косяка и пола возле кровати тоже ничего не дал. Проведя пальцами по зеркальной раме, я осторожно потянулась к окружающему пространству магией. И ничего не почувствовала.

Если здесь и находилась сущность, она либо умела превосходно скрываться, либо давно ушла.

— Вы точно видели свет именно в этом окне? — спросила я, обернувшись к Орвину.

— Точно, госпожа.

— Возможно, отражение?

— Может быть. — Он произнёс это без всякой уверенности.

Комната по-прежнему не нравилась мне. И объяснить почему было трудно. В ней не обнаружилось ничего откровенно пугающего: ни таинственных пятен, ни следов ритуалов, ни характерного холода, который иногда сопровождал присутствие бесплотных существ.

Обычная спальня женщины, умершей много лет назад. И всё же желание поскорее выйти становилось всё сильнее.

Из сумки пришлось достать последний свободный оберег и закрепить его над дверью.

— Если увидите свет снова, не входите сюда, сразу сообщите в Гильдию.

Старик поспешно кивнул.

Лишь когда дверь за нами закрылась, напряжение в плечах начало понемногу спадать. До этого момента я даже не замечала, как сильно была напряжена.

К тому времени, когда Плюшка вынесла меня за ворота Блэквуда, солнце уже поднялось над деревьями.

Дождь закончился, и лес выглядел совсем иначе, чем накануне. Влажная листва блестела, на дороге кое-где лежали золотистые пятна света, а воздух пах мокрой землёй и хвоей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.